

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

«Когда мне было четыре года, я как-то сказала, что хотя и не видела землетрясения, но я его помню».

Автор строк родилась через семь месяцев после землетрясения¹.

1. Постановка проблемы

Статья посвящена проблеме мемориализации разрушительного землетрясения в Армении, которое произошло 7 декабря 1988 г. и унесло жизнь около 25000 человек; полностью или частично оказались разрушенными города Спитак, Ленинакан (ныне Гюмри), Кировакан (ныне Ванадзор). В данной работе мы предлагаем обсудить процессы запоминания и забвения землетрясения на примере одного из городов, пострадавших во время бедствия, — Гюмри (второго по величине города Армении). Эти процессы будут анализироваться в контексте соотношения двух типов памяти, используя терминологию Я. Ассмана, — памяти коммуникативной и культурной², иначе говоря, памяти живой, повседневной (устные рассказы, ритуалы поминовения, предметная память³) и памяти официальной, монументальной, канонизировавшей культурный текст об этом событии. Очевидно, что из этих двух типов памяти коммуникативная более эмоциональна и нацелена на передачу, трансляцию травмы, переживаний следующим поколениям. По мнению одной из гюмрийских учениц, в данном случае время не лечит, а, наоборот, заостряет ощущение боли: «Боль усиливается, когда рана остывает»⁴. Но это не исключает

¹ Из школьного сочинения ученицы десятого класса 1-й ахурянской школы. С целью изучения восприятия города у поколения, не видевшего спитакского землетрясения, в старших классах трех школ – 4 й, 10 й (в Гюмри) и 1 й (в Ахуряне), были проведены сочинения на тему «Что я знаю о землетрясении 1988 года». Тем же школьникам было задано домашнее задание с помощью родителей написать сочинение на близкую тему «Что случилось 7 декабря 1988 года» с целью выявления различий между памятью о землетрясении у очевидцев и у поколения, родившегося после трагедии. Пользуясь возможностью, хочу выразить глубокую благодарность дирекции и преподавательскому составу указанных школ за оказанное содействие при проведении сочинений.

² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 50-62.

³ О предметной памяти см. там же. С. 20.

⁴ Полевые этнографические материалы (далее — ПЭМ). Гюмри, 2006.

и определенной гибкости коммуникативной памяти, она более податлива воздействиям и изменениям, это память «мягкая»⁵. В то время как память культурная, наоборот, старается по возможности «охладить» событие, сводя его до статуса «исторического факта» (в значении максимального отстранения от настоящего), который не способен или мало приспособлен к вариациям, а потому эта память может быть названа «твердой»⁶. Процесс канонизации часто сопровождается буквально отвердеванием памяти — установкой памятников и созданием официальных текстов (например, учебников). Итак, наша задача — проследить, каким образом происходит отвердевание памяти о землетрясении, какие элементы из «мягкой памяти» переходят в состояние «твердой памяти».

Память о травме несколько отличается от более общих проблем антропологии памяти, здесь, видимо, нужно говорить не столько о запоминании, сколько о поисках путей забвения. Память и травма — особая тема, которая в научной литературе рассматривается чаще на примерах геноцидов, войн, депортаций и репрессий. Хотя, по словам Харальда Вельцера, с понятием травмы произошло то же, что и с понятиями «идентичность» и «коллективная память», а именно: «никто уже не знал, что конкретно они означают, но употребляться они стали уже повсеместно, так что можно было прилагать их к чему угодно»⁷, и, в конечном счете, можно говорить лишь о политике памяти о травме. Однако в случае памяти о землетрясении мы имеем несколько иной феномен, отличающийся от памяти об исторических событиях. Последняя отличается от памяти о природной катастрофе тем, что она «сильно зависит от того, каким образом это воспоминание используется в настоящем. Будет ли то или иное событие вообще истолковано как травмирующее, зависит порой не столько от самого события, сколько от того, какое значение ему будет придано впоследствии, задним числом»⁸. В случае землетрясения память теряет остроту своего политического контекста, и более заметно ее социально-консолидационное значение (ср. «друзья по несчастью», «друг познается в беде» и др.). Поэтому в данном случае мы имеем дело с более нейтральным примером коллективной памяти, на котором интересно рассмотреть соотношение ее различных составляющих.

В качестве полевых материалов для исследования, помимо указанных школьных сочинений, послужили интервью с жителями как старой части города, так и новых микрорайонов, экспертные интер-

⁵ Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // <www.strana-oz.ru/print.php> (30.10.06).

⁶ Там же.

⁷ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3 (40-41), <<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>> (09.06.2006).

⁸ Вельцер Х. История, память и современность прошлого...

вью с архитекторами, строителями, скульпторами и художниками. Большая часть наших информантов постоянно проживает в Гюмри, но некоторые из них, бывшие жителями этого города на момент землетрясения, впоследствии уехали в Ереван, за границу. Особое место занимают материалы (интервью, публикации, экспонаты), связанные с Гюмрийским биеннале — международным фестивалем концептуального искусства, проводимым с 1998 года.

2. Память о геноциде и мемориализация землетрясения

Для начала рассмотрим дискурс о том, «стоит ли вообще помнить» спитакское землетрясение и каким образом проблема его запоминания курсирует между «социальным» и «индивидуальным» фактами?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, рассмотрим, в каком контексте, в сравнении с какими фактами коллективная/индивидуальная память пытается осмыслить это стихийное бедствие. Во многих официальных текстах первая ассоциация, которую вызывает землетрясение 1988 г., — это геноцид армян 1915 г. Одним из авторов проекта огромного по масштабам памятника жертвам землетрясения в Гюмри является архитектор Сашур Калашян, совместно с А. Тарханяном спроектировавший знаменитый мемориальный комплекс в память жертв геноцида в Ереване. С. Калашян в момент землетрясения работал главным архитектором Ленинакана, и бедствие застало его в рабочем кабинете в здании горсовета⁹. Новый мемориальный комплекс, представляющий собой две разошедшиеся геологические плиты, образующие расщелину, в котором должен разместиться музей землетрясения¹⁰, имеет схожую с ереванским мемориалом конструкцию в том смысле, что состоит из «тропы для паломников» и самого комплекса (который с верхней перспективы читается как крест). Автор утверждает, что он не сторонник формирования нового поминального ритуала наподобие всенародного паломничества 24 апреля — Дня памяти жертв геноцида, когда у вечного огня, установленного в мемориальном комплексе, многотысячный людской поток возлагает цветы. Именно чтобы избежать оформления новой церемониальности авторы не включили в комплекс «вечный огонь» и не предусмотрели мест для цветов: «Мы не хотели сделать так, чтобы сложился подобный ритуал, решили, что это [т.е. землетрясение — Г. Ш.] более личное, и не стоит делать из этого всенародной трагедии, а представить его как «эпизод»¹¹. В то же время авторы выделили специ-

⁹ ПЭМ. Ереван, 2006.

¹⁰ Концепцией этого музея, по словам архитектора, должна быть тема «Уроки землетрясения». Подобный музей уже работает в Спитаке — в эпицентре землетрясения.

¹¹ Из интервью с С. Калашяном. ПЭМ. Ереван, 2006.

альные места для свечей, не подозревая, что тем самым подменяют один ритуал (возложение цветов) на другой (зажигание свечей). Пока вырыт лишь котлован и нет финансирования на строительство самого памятника, который предполагалось сделать за счет общественных пожертвований. По такой модели строился ереванский мемориал, во время воздвижения которого активное содействие оказали студенты и добровольцы, съехавшие со всей Армении для непосредственного участия в стройке¹², воспринимая это как причащение, «долг перед жертвами», «акт национальной солидарности». Итак, мемориализация землетрясения начинает ориентироваться на уже существующую модель «вспоминания» (коммеморации)¹³ геноцида¹⁴. Однако именно в сравнении с геноцидом возникают сомнения по поводу необходимости запоминания стихийного бедствия. Память о геноциде часто рассматривается в контексте восстановления исторической справедливости¹⁵, тогда как в случае землетрясения вопрос о морали «события», как правило, не поднимался¹⁶. Поэтому происходит некая рационализация памяти как индивидуальной, так и коллективной, и память о землетрясении выделяет, в основном, «уроки» трагедии. В случае индивидуальной памяти, рационализация приводит не к дидактической наглядности, а скорее к забвению. Так, Завен Коштоян, скульптор памятника в Гюмри, к которому официальные лица возлагают венки в день годовщины землетрясения, против проекта большого памятника, посвященного землетрясению, именно потому, что эту трагедию нельзя сравнивать с геноцидом: «в конце концов, это было все же природное бедствие»¹⁷. На это событие пытается рационально посмотреть один из школьников, отметивший, что «хотя землетрясение принесло много несчастья, нельзя забывать о том, что это явление природы, которое происходит во многих местах, и никто, в конечном счете, от него не застрахован»¹⁸, и потому к этому факту надо относиться более спокойно.

¹² Там же.

¹³ Мемориализация — лишь часть более общего явления коммеморации, последняя включает не только результат (например, памятник, текст), но и сам акт «вспоминания» и в первую очередь ритуалы, направленные на возрождение, воспоминание «исторических фактов». См. Нора П. Эра коммемораций // Франция-память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 95-148.

¹⁴ Об этом подробнее см. главу «Землетрясение: конец или начало?» в отчете об исследовании «Ленинкан ушел, Гюмри остался: образы города до и после землетрясения» (при поддержке регионального бюро фонда им. Г. Бедля на Южном Кавказе). 2006 (рукопись).

¹⁵ Марутян А. Роль памяти в структуре национальной идентичности. Проблемы теории. Ереван: Нораванк, 2006. С. 84-85 (на арм. яз.).

¹⁶ Показательно, что в средневековой Армении аналогичные бедствия считались прежде всего возмездием за собственные грехи. См. доклад А. Саакяна «Восприятие землетрясения в средневековой Армении» на конференции, посвященной пятой годовщине землетрясения (Ереван, 1993). О восприятии землетрясения 1988 г. в контексте вины и наказания см. Abrahamian L. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2006. P. 159.

¹⁷ Из интервью с З. Коштояном. ПЭМ. Гюмри, 2006.

¹⁸ ПЭМ. Гюмри, 2006.

3. Факты, «охлаждающие» и «подогревающие» память о землетрясении

Дискуссии о возможности искусственного происхождения землетрясения были широко распространены в первые годы после трагедии¹⁹, да и сейчас почти в каждом втором интервью звучат сомнения относительно исключительно естественных причин спитакского землетрясения. Некоторые пытаются найти компромиссный вариант – землетрясение было слабой силы, а подорвавшийся (по одной версии случайно, по другой – намеренно) военный арсенал близ Спитака резонировал толчки²⁰. Но интересно, что эти «подозрения» не имеют особого эмоционального накала и находятся в несколько притупленном состоянии. Возможно, этому способствует не только ровные отношения с Россией (воспринимаемой как правопреемник СССР), но и то, что ни разу в официальных выступлениях (насколько нам известно) этой версии не прозвучало. Однако официальный дискурс выражает другие сомнения, например, по поводу статистики жертв землетрясения. И хотя нет прямых обвинений в том, что советские власти скрыли истинные масштабы катастрофы, более того, освещение в СМИ событий из зоны бедствия считались беспрецедентными в истории советской гласности, но любое упоминание количества погибших до сих пор сопровождается обязательной ссылкой на «официальные данные». Эти «данные» в разных источниках варьируют между двадцатью пятью и двадцатью шестью тысячами погибших. Хотя статистика других потерь также имеет свои неточности (например, по одним источникам без жилья остались 530 000, по другим – 514 000 человек), но нигде они не звучат с оттенками сомнения или условности. Подобные примеры хорошо иллюстрируют потенциал публично сенситивного и «способного к изменениям» предмета памяти, в одном случае, и более стабильных («твердых») данных в силу их общественной индифферентности, в другом. Вообще актуализацию «статистических описаний» землетрясения можно считать одной из попыток «охлаждения» памяти, где эмоциональные подробности сменяются «голыми» цифрами, лишенными возбуждающей способности «горячей» памяти. Но не все цифры так «беспристрастны». Некоторые статистические данные, например, относительно инвалидов, звучавшие в первые годы после землетрясения²¹, сегодня абсолютно исключены из дискурса. Действительно, «натурализация» подобных цифр переводит их из области «ис-

19 См. Сафарян Л.В., Пирузян С.А. Причинно-следственный резонанс Спитакского землетрясения в Армении // Вестник общественных наук (НАН РА). 2002. № 1 (105). С. 72-74 (на арм. яз.).

20 Там же; ПЭМ. Гюмри, 2006.

21 Десятки тысяч человек погибли под развалинами домов. Еще десятки тысяч были ранены. Четыреста шестнадцать человек лишились конечностей. Пятьдесят четыре из них – дети». Балаян З. Послесловие // Азатян В. Ленинакан. Ереван: Издательство ЦК КП Армении, 1989. С. 168.

торического» факта (в смысле не имеющего продолжения в настоящем) в область нерешенных социальных проблем, делая фактами «горячими». Итак, как мы убедились, даже «голые цифры» и «холодная статистика» могут быть рассмотрены по шкале «потепления» или «охлаждения».

Другой формой «охлаждения» или трансформации травматической памяти является акцентирование позитивных событий тех дней. Такой благодатной темой в культурной памяти становится тема помощи мирового сообщества пострадавшим от землетрясения. Эти события излагаются, в основном, в виде тех же «голых фактов», адаптированных для школьного курса истории: статистика помощи (сколько стран и международных организаций предоставила гуманитарную помощь), имена первых лиц государств, посетивших зону бедствия в первые после трагедии дни и т.п.²²

«Остывание» индивидуальной памяти происходит не только более медленно, но в каждом конкретном случае имеет свои особенности. Люди стараются подавить эти воспоминания, а иногда и воздействовать на культурную память. Например, по словам директора программ гюмрийской телестудии «Цайг», руководством телевидения в 1998 г. было принято решение больше не показывать кадров с рушащимися зданиями и руинами, поскольку именно с такими многочисленными просьбами на телестудию звонили телезрители.

4. Память о времени землетрясения

Любая форма памяти, как индивидуальная, так и коллективная, функционирует в пространственно-временном континууме, по-своему отбирая «точки кристаллизации»²³. Время становится важнейшим элементом памяти о землетрясении не только потому, что стихийное бедствие разразилось в четко зафиксированный момент, закрепивший в памяти эту дату, но и потому, что оно положило начало новому этапу жизни, иной действительности, отмеряемой от этого мига.

4.1. «11.41»

Более точный рубеж – седьмое декабря 1988 г., 11.41. С каждым годом момент (начало) землетрясения приобретает все большую значимость. В символике этой трагедии особое место занимает циферблат с указанием

²² См. Учебник по истории Армении для 8 го класса общеобразовательных школ // Под ред. Бархуда-ряна В., Ереван: Луйс, 2000. С. 112-115 (на арм. яз.).

²³ Ассман Я. Указ. соч. С. 39.

11.41. Такой циферблат часов на стене текстильного комбината, расположенного на центральной площади им. Ленина, с остановленным на момент землетрясения временем бросался в глаза. Речь идет о часах, установленных здесь в 1966 г., которые играли городской гимн «Гюмри-Ленинакан» В. Баляна²⁴. Главные часы города остановились из-за повреждения механизма во время землетрясения и стали восприниматься как некий символ бедствия²⁵. Для многих, потерявших родных, кров, этот момент обозначал условную остановку времени в смысле протекания нормальной жизни или жизни вообще.²⁶ Даже сегодня в сочинениях школьников, родившихся после землетрясения, описание землетрясения сопровождается характеристикой «время на какой-то момент остановилось»²⁷. Практически не было ни одного сочинения, где дата и время бедствия не были бы отмечены:

*Из чисел я ненавижу семь,
Средь месяцев – декабрь.
Из дней недели не люблю сред,
И рождение гор – в природе.
А в погоде не терплю туман²⁸,
Из времени – тот час зловецкий,
Что называют «черный час»,
Одиннадцать сорок один, поверьте!²⁹*

Интересно, что в сочинениях, написанных в классе, многие школьники как момент землетрясения указывали 11.40, в то время как в домашних сочинениях, написанных с помощью родителей (свидетелей землетрясения), оно уже отмечается более точно 11.41.

4.2. Память о длительности землетрясения

В указании длительности землетрясения отразилось особое восприятие чисел. Так, длительность чаще сводится к 40 секундам, на

²⁴ См. Гюмри / Сост. Варданян Г., Ер.: Тигран Мец, 2006. С. 251; Интервью с часовщиком Варпетом Ладиком (Николай Есеевич Мацакян). ПЭМ. Гюмри, 2006.

²⁵ Ср.: «Часы в Ленинакане остановились в 11 часов 41 минуту. Остановились как знак большой беды». Саркисян А., Хатунцев В. Из сообщений ТАСС // Армения, декабрь '88 / Сост. Григорова Л.Ф., Гаспарян А.А., Манукян Л.Х. Ереван: Айастан, 1990. С. 73.

²⁶ «На перекрестке рядом с разрушенным домом висят большие часы. Они остановились в 11 часов 41 минуту по местному времени. С этого мгновения пошел другой отсчет секунд, часов и дней. До трагедии и после». Каррыев Б. «Вот пришло землетрясение...» <www.chelpress.ru/LANG=ru/newspapers/akcion/archive/05-12-1997/3/F1.DOC.html> (10.06.06).

²⁷ ПЭМ. Гюмри, 2006.

²⁸ Утром 7 декабря 1988 г. в Ленинакане стоял сильный туман, из-за чего многие стали воспринимать его как одну из примет землетрясения. Об этом подробнее см. полное исследование автора «'Ленинакан ушел, Гюмри остался': образы города до и после землетрясения».

²⁹ Из домашнего сочинения ученицы девятого класса 10-й школы Луизы Степанян. ПЭМ. Гюмри, 2006 (перевод мой — Г.Ш.).

что, по всей видимости, повлияла семантическая нагруженность этого числа³⁰, одновременно означающего «много», круглое число, законченный временной цикл (ср. ритуальные карантин: 40 поминальных траурных дней после похорон, сороковины для новорожденных и новобранцев и т.п.). В официальных запросах и выступлениях длительность землетрясения чаще округляли до «1 минуты»³¹. Это, конечно, символическая минута, которая драматизируется в смысле единицы «быстротечности» и временного рубежа от *сиюминутности* до вечности. В сочинении одного восьмиклассника 11.40 и 11.41 противопоставлены как два времени: время счастья и время беды, – разница между которыми единица, одна насечка на циферблате:

*1988 год, 7 декабря, время 11.40, Ленинакан - все еще полный жизни город остряков. 11.41 тот же город – уже холм руин. Всего лишь спустя минуту. Страшную минуту...*³²

Сгущенным рефреном «1 минуты» являются «полминуты» (30 секунд)³³, которые встречаются чаще остальных вариантов и, видимо, могут претендовать на наиболее точную длительность толчков, на деле происходивших с некоторыми интервалами, паузами в доли секунд и потому с трудом поддающиеся точной фиксации. Встречается упоминание длительности землетрясения даже в 7 секунд³⁴. Здесь возможно наложение восприятия символически значимого числа 7 с датой землетрясения (седьмое декабря).

На городских памятниках, посвященных жертвам землетрясения (вплоть до памятников, установленных в частных дворах), также обязательно изображается циферблат со стрелками на 11.41. Можно сказать, что время землетрясения (с колебанием в 1 минуту: 11.40-11.41) стал обязательным составляющим «твердой памяти».

³⁰ О числе «сорок» см. Абрамян Л., Айрапетян В., Аракелян Г., Гулян А. Разговор о круглых и абсолютных числах. Ереван, 1981-1984. С. 4-14 (рукопись).

³¹ Ср., например, вопрос корреспондента «Литературной газеты» во время пресс-конференции в Ереване 19 декабря 1988 г.: «В течение одной минуты почти 400 сел Армении пострадали, а 58 погибли полностью. Будут ли восстановлены все эти села?» // Армения, декабрь '88. С. 62. Указание, что землетрясение длилось 1 минуту, часто встречается в школьных сочинениях.

³² Из сочинения восьмиклассника 10-й средней школы Эдуарда Хачатряна. ПЭМ. Гюмри, 2006.

³³ Ср. например: «В 1988 году в Армении подземные толчки силой до семи баллов по шкале Рихтера за 30 секунд практически уничтожили город Спитак, разрушили Ленинакан (ныне Гюмри), Степанаван, Кировакан (ныне Ванадзор)» // <www.mpra.ru/cis/new.php?id=30036> (14.07.06). Пресс-релиз от 7 декабря 2004. «16 лет назад, 7 декабря 1988 года в Армении, в городах Спитак и Ленинакан, случилось страшное землетрясение, в результате которого за 30 секунд погибло более 25 тысяч человек, около 100 тысяч получили ранения и увечья. Без крыши над головой осталось более полумиллиона жителей» // <www.rossel.ru/archive/20041207/1/> (12.07.06).

³⁴ «Около 12-ти часов дня, за пять минут до окончания уроков в школах, последовал удар, который длился всего лишь 7 с половиной секунд». 13 лет землетрясению в Спитаке и ярославские армяне. <gtk.yaroslavl.ru/cgibin/m_news.cgi?year> (14.06.06).

4.3. Ритуализация времени землетрясения

Для многих потерявших своих родных момент, когда стрелки часов в очередную годовщину землетрясения указывают на ту роковую минуту, является наиболее ритуализованным. В 11.40-11.41 многие родственники погибших до сих пор стараются быть на могиле своих близких³⁵. В этом ритуале принимают участие и дети, рожденные после землетрясения. Поэтому для них значимость этого момента обусловлена собственным ритуальным опытом.

Власти тоже вовлечены в ритуализацию «11.41». В это время президент страны, другие представители власти и оппозиции стараются быть в Гюмри с целью возложения венков у центрального памятника землетрясению (изображающего мать с ребенком, защемленных двумя плитами) и присутствовать во время поминальной службы. Одновременно делаются попытки сбить драматизм «11.41». Так, в 2006 г. в день 18-летней годовщины землетрясения именно на 11.41 было назначено открытие Центра Спасательной службы для чрезвычайных ситуаций. Возможно, отчасти на борьбу с точными 11.41 была направлена и попытка определить «правильное время» для открытия Первого международного биеннале авангардного искусства в Гюмри в 1998 г. Организаторы фестиваля обратились к ереванским астрологам, и по их совету открытие состоялось в 19.20³⁶. То есть, 11.41 было противопоставлено любое другое точное время.

С указания точного времени землетрясения начинается также и глава о землетрясении в школьных учебниках восьмого класса по истории Армении³⁷. Таким образом, «время землетрясения» воспроизводится в разных дискурсах: от семейного до национального.

5. Мемориализация «звука» землетрясения

В январе 1992 г. по проекту архитектора Р. Егояна часы на центральной площади города были перестроены, несколько изменен циферблат, механизм починил мастер Ладик (Николай Есаевич Мацакян), и часы снова были запущены, что одновременно было вос-

³⁵ Некоторые в течение последующих после землетрясения 7-8 лет встречали новый год на кладбище – у могил погибших родных. Особенно часто это происходило в случае потери детей. Родители здесь отмечали не только все праздничные дни, но и проводили там ночь, были даже просьбы установить домик для проживания около могилы. Гулян А. «Я не видела дочери» // Истории о бедности / Под. ред. Харатян Г. Ереван: Лусакн, 2001. С. 79-82.

³⁶ См. фильм Гарника Саргсяна «Гюмрийский биеннале». Телестудия «Ширак», 1990.

³⁷ Учебник по истории Армении для 8-го класса общеобразовательных школ. С. 112.

принято как символ того, что «жизнь продолжается»³⁸. В новых часах не были восстановлены лишь музыкальные куранты, ремонт которых требовал больших средств. Но отсутствие курантов, «отстукивающих» ритм жизни, для города, пережившего подобную трагедию, на мой взгляд, важный элемент. Во многих ритуалах время выражается звуком³⁹. В некоторых случаях традиционная культура может выработать и закрепить за такими моментами определенный музыкальный код⁴⁰. Седьмого декабря 1989 года, в день годовщины землетрясения, в 11.41 загудели все сирены автомобилей, звук которых присоединился к звонам церковных колоколов, которые, кстати, также выполняют роль звукового сигнала времени, извещая о начале и конце служб, в том числе поминальных. Поэтому неудивительно, что некоторые изображения остановившихся на знакомом времени часов сопровождались «окаменевшим» звуком изображенных здесь же колоколов. «Главные колокола армянской истории, что в звоннице храма в Эчмиадзине, лишь слабо качнулись в те мгновения, когда в горах, близ Ленинакана в тектоническом напряжении сдвинулись недра. Но колоколам долго придется оплакивать жертвы одного из сильнейших землетрясений второй половины XX века. По ком звонит колокол!»⁴¹

Жизнь советского Ленинакана когда-то отмерял звук рабочего гудка, звучавшего шесть раз в сутки, оповещая о рабочей смене. Поэтому в инсталляции «Рубец из детства» А. Саргсяна во время Гюмрийского биеннале 1998 г. особое место занял именно этот гудок. А в перформансе «Восстановление» учеников гюмрийской художественной школы им. С. Меркурова под руководством Г. Гаспаряна на разрисованных ящиках-кубиках свое место нашли как циферблат часов, так и музыкальная труба рядом с ним. В качестве основных элементов, ассоциируемых с землетрясением, во время того же биеннале художник-концептуалист Арко (Аркадий Багдасарян) выделил движение земли, звук и знакомый циферблат.

Кроме гудка, ставшего звуковым «пульсом» города, и упомянутой песни «Гюмри-Ленинакан», на музыкальный код города может претендовать музыка Т. Мансуряна, написанная к фильму «Кусочек неба»⁴².

³⁸ См. телерепортаж 7 декабря 2006 г. журналиста С. Унаняна для информационной программы «Аздарар» гюмрийской телестудии «Цайг».

³⁹ Ср.: «Первое число каждого месяца называлось календы (calendae, kalendae); оно объявлялось младшим понтификом определенной магической формулой, в которой несколько раз повторялось слово *calo* – «я выкликаю» (от *calere* – выкликать), что дало название первому дню». Златковская Т.Д. Исторические корни европейского календаря // Календарные обычаи обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 31.

⁴⁰ Как показано в работе Л. Еринджакаян и Р. Пикичян, функцию подобного музыкального сигнала, знаменующего начало, в армянской культуре выполняла мелодия *saharî*. Еринджакаян Л., Пикичян Р. Гимн солнцу «Саари» в армянской музыкальной культуре. Ереван: Гитутюн, 1998 (на арм.яз.).

⁴¹ Армения, декабрь '88. С. 71.

⁴² В русском варианте фильм называется «Пощечина», реж. Г. Малиян, 1980.

Съемки фильма проводились в старой части города, и в отдельных сценах реконструированы различные этнографические реалии досоветского Гюмри. Теперь же эта мелодия используется как звуковой фон в «ностальгических» телезарисовках Гюмри-Ленинакана. Эта ставшая устойчивым телештампом мелодия, таким образом, воспроизводит «виртуальную звуковую память» о городе.

Другая мелодия стала музыкальным телекодом землетрясения – песня знаменитого французского шансонье Шарля Азнавура, посвященная Армении по поводу этой катастрофы, заняла более конкретную нишу – заполняя собой «голос» международного сообщества, поспешившего на помощь пострадавшим, как правило, озвучивая соответствующие телекадры.

В отличие от многих подобных колебаний земли, которые жители Армении время от времени вынуждены переживать, свидетели землетрясения 1988 года сначала его услышали и лишь потом почувствовали. На этот раз недра земли расходились с громким гулом, из-за чего землетрясение не только не сразу было идентифицировано, но такой звук стал еще одним «доказательством» в пользу теории взрыва⁴³. Этот звук землетрясения «попал» в семейные истории-рассказы, заняв достаточно стабильное место в коммуникативной памяти:

Страшная минута... Долгий завывающий гул... Гул перешел в тяжелое дрожание, и затем все отчаянно закачалось: стены, пол, мебель. Все по-страшному зашипело, треснуло и заскрипело. Каждому казалось, что земля уходит из-под ног. Не прошло и нескольких секунд, как случился второй, судьбоносный, удар. Опять зловещий гул, огромных зданий сумасшедший пляс, и... клубящиеся облака пыли, руины, руины, руины⁴⁴.

Об этом звуке вспоминают и в публикациях сегодняшней прессы: «Часы показывали 11 часов 41 минуту, когда страшный подземный гул обрушился на Ленинакан, и тут же содрогнулась земля. Так начался новый отсчет времени – после землетрясения...»⁴⁵ Пресса, хотя и способствует формированию культурной памяти, но не все ее материалы могут войти в «избранное» памяти культурной, ведь пресса часто представляет зафиксированную индивидуальную память, которая может претендовать на долголетие лишь в случае многократных повторов и ссылок на нее, чего по поводу «геологического рычания» нельзя сказать. Эмоционально-чувственные переживания этой трагедии хотя

⁴³ Из личного дневника. Гюмри, 1988.

⁴⁴ Из сочинения восьмиклассника 10 й средней школы Эдуарда Хачатряна. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁴⁵ Арутюнян Ю. Счет времени в Гюмри // Голос Армении. 2006. 19 дек.

и становятся привлекательной темой для СМИ, но не входят в число канонизированных. И поэтому память о таком звуке все же надо считать предметом коммуникативной памяти.

Второй, более страшный «звук землетрясения», который вспоминается гораздо чаще, это стоны и крики о помощи вперемежку с причитаниями оплакивающих. Этот тяжелый звуковой фон пытается воспроизвести в своем проекте мемориала архитектор С. Калашян, предусмотревший некую металлическую конструкцию, напоминающую орган и выполняющую одновременно две функции: техническую (подпорка для приподнятой «плиты») и символическую – заывания металлических пластин от дуновения ветра должны «звучать не музыкой, а быть беспокойным органным аккордом»⁴⁶, набатом, напоминающим о беде.

Итак, в качестве трудно поддающейся «отвердеванию» звуковой памяти о землетрясении и сюжетах, сопредельных ей, современный городской дискурс выделяет помимо курантов и колоколов, являющихся более универсальными для городов, несколько специфических «звуков»: рабочий гудок, характерные для телевизионного образа Гюмри популярные мелодии, «геологический звук» землетрясения и, наконец, людские голоса и стоны. Из всего этого арсенала, помимо колоколов, сделана попытка закрепить в «твердой памяти» (в мемориальном комплексе) лишь последние, одновременно звучащие как набат-упоминание о трагедии.

6. Формы преодоления памяти

Во многих интервью есть рассказы о том, как в каждой отдельной семье по-своему «выходили» из траура. Одним из таких способов было празднование седьмого декабря как нового дня рождения, поскольку свое выживание или выживание членов семьи в этот день воспринимается как чудо или как второе рождение⁴⁷. В тех же случаях, когда настоящий день рождения человека действительно приходился на седьмое декабря, его, как правило, передвигали на другой день, поскольку реальный (а не символический, имитационный) праздник все же требовал истинного веселья. Так, одна шестилетняя девочка, ко-

⁴⁶ Из интервью с С. Калашяном. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁴⁷ «Мой муж с дочкой остались в лифте высоты, и когда здание рухнуло, они не поняли, что это землетрясение, им показалось, что это не выдержали тросы лифта. Муж сумел открыть плато кнопок и спасти дочь. Каждый год седьмое декабря мы отмечаем как день рождения мужа и дочери. Я считаю этот день днем второго рождения и мужа, и дочери. В первую годовщину землетрясения, когда мы были в подмосковном пансионате, получили телеграмму от моих родителей: "Поздравляем с днем рождения". ПЭМ. Гюмри, 2006.

торая родилась в день землетрясения (в 1988 г.), без иронии спросила мать: «А торг на мой день рождения тоже будет черным?»⁴⁸

В день землетрясения 1988 г. в Гюмри и ближайших селах было рождено 26 детей. Это число также стало восприниматься как символическое, поскольку стало перекликаться с количеством погибших, по этому поводу «округлившееся» до 26 000 человек. Как мы помним, относительно «официальных данных» о количестве жертв существуют определенные сомнения, и поэтому смещение «официального числа» на единицу никого не смутило. Тем более что в некоторых «неофициальных» источниках указывается знакомое круглое число 40 000 и даже 60 000. Трагическое сочетание: 26 рождений на 26 000 смертей, – стало основной канвой передачи телестудии «Нойем» (ГАЛА) на 17-ю годовщину землетрясения, когда этих детей собрали вместе, чтобы торжественно вручить паспорта, сделав короткие репортажи про каждого из них. В рамках этой передачи была сделана попытка представить детей, родившихся после землетрясения как символ жизни, победы жизни над смертью, выживания над гибелью. Подобную попытку во время биеннале в Гюмри (1998 г.) сделал и М. Багдасарян, когда представил перформанс с демонстрацией фотографий детей, рожденных после землетрясения. Живым символом стали и дети, родившиеся после злополучного дня в семьях, потерявших детей в землетрясении. Они, появились на свет с определенной миссией – восполнить потерю ушедших. Получив в наследство их имена⁴⁹, дети вынуждены прожить не только свою жизнь, но отчасти и жизнь трагически погибших.

Судьба, воспитание, повседневность этих детей отличается от жизни обычных, не отягощенных наследством «быть живой памятью». Если даже дети, родившиеся после землетрясения, не получали имен погибших родственников, некоторые из них ощущали драматизм своего рождения по другому поводу. Многие из них – поздние дети тех родителей, которые во время землетрясения потеряли уже сравнительно взрослых детей. Последовавшие за землетрясением 1990-1991 годы отличались демографическим взрывом, рожали женщины, которым было даже за сорок. Среди учеников, писавших сочинения о землетрясении, было немало таких детей, осознающих «необычность» своего происхождения:

*Я еще не родилась, когда случилось землетрясение 1988 года,
и не родилась бы вообще, если бы жертвой этого бедствия не*

⁴⁸ Телепередача «Проект Возрождение», телестудия ГАЛА (7.12.2004).

⁴⁹ Об именнаяречении после землетрясения 1988 г. см. Маргарян Н.М. Выбор личного имени у восточных армян (XIX-XX вв.) (этнологическое исследование). Автореф. дис. к. и. н. Ер.: Институт археологии и этнографии НАН РА, 2000. Гл. 2.2.

стали мои брат и сестра... Мои родители пожилые по сравнению с родителями моих сверстников. Раньше я от этого плохо себя чувствовала, а сейчас, когда я уже взрослая... Отец полностью поседел. Часто задаю себе вопрос: почему именно со мной должно было все это случиться? Но я должна жить и содержать своих родителей, чтобы они не чувствовали потерю их горячо любимого Аршака ...⁵⁰

В Гюмри есть своя специфика, которая связана с землетрясением. Я не могу сказать, что эти дети [родившиеся в семьях, где были жертвы – Г. Ш.] избалованы, хотя их балуют, в то же время их всех отличает особая грусть, стоит взглянуть им в глаза, и ты сразу поймешь, что это ребенок из семьи, где были жертвы. Они отличаются, очень отличаются. Уже хотя бы тем, что у этих детей очень взрослые, иногда просто пожилые родители. Дети закомплексованы ввиду этого факта. А ведь многие родители таких детей - это те, кто потерял своих во время землетрясения, и эти ребята рождены, не хочу сказать взамен или вместо погибших, но часто именно так и получается⁵¹.

Не всегда потеря ребенка влечет за собой наречения нового ребенка его именем или восприятия других детей в качестве «заменителей» прежних. Иногда бывает обратная реакция. Среди моих информантов была мать, которая призналась, что не может простить ни себе, ни ребенку, родившемуся после землетрясения, смерть старших детей. То есть независимо от того, каково отношение к поколению, родившемуся после землетрясения, оно в определенной степени обусловлено памятью о погибших. Здесь становится очевидным потенциал операциональных возможностей коммуникативной памяти, которая может воздействовать, например, на воспитание детей, в данном случае воспринимаемых как «второй шанс».

7. Памятные места

Памятные места являются одной из центральных тем дискурса культурной памяти⁵². Определение и оформление этих мест одновре-

⁵⁰ Из школьных сочинений. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁵¹ Учитель 10 й школы. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁵² О различии между «памятными местами» и «местами памяти» см. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

менно является наиболее обсуждаемой проблемой и в сфере памяти коммуникативной, поскольку часто за их выбором стоят конкретные люди, осознающие, что являются «творцами истории». И наиболее важной задачей становится определение концепции той памяти, которую современники «завещают» будущим поколениям.

7.1. Руины

В случае стихийного бедствия памятные места часто отмечаются также стихийно, поскольку в отличие от исторических событий, где акторы – люди, природа сама «создает» определенные места, попадающие в «избранное» города. Как и в случае формирования символического ландшафта, когда горы, реки, озера могут сыграть роль социально значимого объекта, некоторые руины или память о них также могут занять особое место в коллективной жизни горожан, и в силу своей «памятности» предопределить новое лицо города.

Сначала был установлен памятник жертвам землетрясения, а затем рядом построили школу. Вообще наша школа стоит на месте старой. Тогда на этом месте были домики. Директор постарался, чтобы эти домики были убраны, чтобы школа была построена на своем прежнем месте. Хотели нашу школу построить в 58-ом квартале, а он [директор] очень болезненно относился к тому факту, что на месте погибших, там, где пролилась их кровь, были бы, скажем, санузлы или какие-то домики. «Здесь кричали наши дети», - говорил он. И в самых разных инстанциях сумел отвоевать это место⁵³.

Определение места, где погибли дети, как некоего святого пространства, обязательно отмечаемого памятником, обычно памятным хачкаром – крест-камнем⁵⁴, одновременно выполняющим функцию и памятника, и «надгробной плиты», можно сказать, стало общим правилом для Гюмри. Иногда в зависимости от количества детей, погибших во время землетрясения, родители устанавливали соответствующее количество декорированных источников, установленных либо ря-

⁵³ Учительница 10 й школы. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁵⁴ О значении и функциях хачкаров (крест-камней) в армянской культуре см. Петросян Г. Происхождение, функция, семантика хачкаров (историко-археологическое исследование) // Дис. ... д.и.н. Ереван: Институт археологии и этнографии НАН РА, 2004 (рук., на арм. яз.); Petrosyan H. The Khachkar or Cross-Stone // Armenian Folk Arts, Culture, and Identity / Ed. by L. Abrahamian, N. Sweezy. Bloomington, Indiana: IU Press, 2001. P. 60-69; Саакян А.С. Культово-мемориальные памятники в системе армянской средневековой на-родной культуры // Дис. ... к.и.н. Ереван: Институт археологии и этнографии АН РА, 1986. (рук.); Саакян А.С. Хачкары – этнокультурные памятники средневековой Армении // Историко-этнографические исследования по фольклору. Сборник памяти Сергея Александровича Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 214-237.

дом с крест-камнем, либо совмещенных с ним. Продолжая традиции, идущие еще со средневековья, крест-камни и сегодня становятся местами паломничества или считаются священным пространством, требующим особого отношения.

Первые памятники стали спонтанно возникать на месте больших разрушений, особенно если это были общественные учреждения, в первую очередь школы. Неудивительно, что когда для строительства нового здания прокуратуры был убран мемориальный камень, установленный на месте 16-й средней школы, под развалинами которой погибло много детей, этот факт был воспринят настолько негативно, что ночные сторожа здания по ночам стали «слышать» крики детей. Почти все мои информанты рассказывали об этой истории. Неслучайно именно руины 16-й школы стали одним из «естественных» памятников землетрясения, вошедших в «запас твердой памяти». Вероятно, в этом не последнюю роль сыграло расположение школы, которая выходила на центральную площадь им. Ленина (ныне Площадь Независимости). Руины этой школы иногда можно идентифицировать на могильных плитах, хотя на них, помимо часов, чаще изображаются условные руины, иногда сопровождающиеся образом сломанного дерева, символизирующего прерванную жизнь.

Среди «памятных руин» первое место, несомненно, занимают руины храма Всеспасителя (Аменапркич). Причина в том, что именно этот храм стал символом города, он же изображен на новом городском гербе (принят в 2001 г.). Храм, который был самым высоким сооружением в регионе, по мнению экспертов, на деле не представлял собой архитектурной ценности, поскольку был построен с конструкторскими ошибками, неизбежными для его строителя-самоучки, и не был включен в список памятников архитектуры, подлежащих охране государством⁵⁵. Но его восстановление для гюмрийцев и особенно для мэра⁵⁶ стало не только делом чести, но и символом возрождения Гюмри. По словам мэра, «лишь в тот день, когда Аменапркич будет восстановлен, можно считать Гюмри восстановленным»⁵⁷. В дискуссии, которая развернулась вокруг концепции восстановления этого памятника, были озвучены практически все принципиальные подходы восстановительных работ в Гюмри. Применительно к Аменапркичу обсуждались следующие тактики:

⁵⁵ Из интервью с архитектором С. Калашяном. ПЭМ. Ереван, 2006.

⁵⁶ Мэр Гюмри Вардан Гукасян, дважды переизбранный на эту должность, начал свою предвыборную кампанию под лозунгом «Надежда, любовь и вера». Показательно, что в триаде мэра на первом месте фигурирует надежда – ср. название «Город надежды» одного из фильмов о Гюмри, созданных по его заказу. Вера играет не менее важную роль в политическом девизе мэра – в его рекламный телеклип вошли сцены, где он водружает крест на храме Св. Знамения, восстановительные работы которого были сделаны на его личные средства.

⁵⁷ Цитата по фильму С. Кахзванцян «Город надежды» (2003).

1) разрушить до конца и расчистить эту территорию; 2) высвободить фасад и сохранившиеся части и достроить их камнем другого цвета, так, чтобы вся дополненная часть выделялась; 3) «разрушенную часть храма вместе с куполом предлагалось достроить в виде каркаса со стеклами, т.е. храм достраивался «прозрачно», храня призрачную память о своем прошлом»⁵⁸; 4) восстановление прежнего вида храма, с минимальными технически необходимыми изменениями (например, из-за железобетонной прокладки стены храма должны были уплотниться, что несколько меняло внутреннее пространство здания). Победила последняя концепция – концепция реанимации, возврата к функционирующей жизни, а не превращение руин в «естественный» памятник (второй и третий варианты⁵⁹), в котором был очевиден подход эстетизации преходящего. «Руины, словно возвращающиеся обратно в землю, ценятся повсеместно за эмоциональные оттенки, порождаемые их видом... Но в самой основе эмоционального удовлетворения лежит обостренное чувство течения времени»⁶⁰. Однако у города, так близко соприкоснувшегося со смертью, были «свои счеты» со временем, поэтому город старался не консервировать «гибель», а реанимировать «жизнь». Итак, выбор реставрационного подхода к судьбе храма был обусловлен отношением к разрушенной архитектуре как к живому человеку:

После землетрясения во время заседаний я всегда говорил, что раненых нельзя расстреливать. Тогдашнему марзпету⁶¹, Арарату Гомцяну, я часто объяснял, что нельзя искажать, коверкать, унижать, демонстрировать инвалидность. В конце концов, ты же тем самым говоришь: «Ты человек не нормальный, твоя одна половина на месте, а второй половины нет», – или перекрашиваешь эту половину. Тогда как это один организм, одна структура, одна идея, одно творчество, которое родилось сразу, вместе. Ну, и однажды Гомцян мне сказал: «Раз ты так уверен, пойдешь и сделаешь»⁶².

Антропоморфизация города получила буквальное воплощение и во время биеннале 1998 г., например, в трактовке концепции восстановления гюмрийского скульптора А. Варданяна, сделавшего «операционное вмешательство», сшив железными проводами трещину на одном из домов Гюмри. Человеческое отношение к «раненым стенам»

⁵⁸ Абрамян Л.А. Жизнь и смерть памятников в постсоветском Ереване: мифы, герои, антигерои (рукопись).

⁵⁹ По мнению архитектора Рафаэла Егояна, от этих вариантов отказались еще и по той причине, что они требовали безукоризненного технического исполнения, что в годы, когда обсуждались проекты, было нереалистично для уровня строительства в Гюмри. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁶⁰ Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. С. 152.

⁶¹ Марзпет – название губернатора отдельных провинций в современной Армении.

⁶² Интервью с архитектором, автором проекта восстановления храма Аменаприч Рафаэлом Егояном. ПЭМ. Гюмри, 2006.

гюмрийских зданий во время того же биеннале проявил и москвич Даниил Филиппов, представивший инсталляцию «Иглоотерапия стены».

Что касается других подходов, возникших при обсуждении судьбы храма Всеспасителя, то некоторые из них имели неожиданное продолжение. Так, идея здания из стекла и металла получила другое воплощение⁶³. Рядом со второй церковью св. Богородицы, выходящей на ту же площадь (бывшего Майского восстания), сын архитектора, реставрирующего храм Всеспасителя, архитектор Г. Егоян, спроектировал здание из стекла и металлической решетки для магазина технической аппаратуры. Новое здание симитировало внутри стеклянной части блок соседнего с ним кинотеатра «Октябрь», сохранившегося во время землетрясения и ныне отреставрированного. В результате архитектор по-своему воплотил проект «здания-витрины» для демонстрации старины (в данном случае – имитации старого здания). Трансформация идеи стеклянной консервации храма Всеспасителя в застекленный макет прошлого (продолжение здания кинотеатра «Октябрь») является весьма остроумным решением, наглядно иллюстрирующим идею «временного коллажа» архитектора-семиотика Кевина Линча: «Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времен я бы применил «временной коллаж» – творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память»⁶⁴. Продолжением такого отношения к прошлому стало особое направление в строительстве Гюмри после землетрясения, основной чертой которого является попытка придать новому сходство со старым (например, новое здание рядом со старым зданием текстильной фабрики или строящийся новый торговый центр на месте и по контуру «Десятиэтажки», бывшего центра квартала).

7.2. Памятники жертвам землетрясения

Рядом с храмом Всеспасителя установлен основной памятник — мать с ребенком. Мотив «матери с ребенком» — наиболее часто воссоздаваемый сюжет на малых памятниках жертв землетрясения. Многие такие памятники установлены силами соседской общины, родственников в своих дворах или вдоль улиц. Интересно, что в новом микрорайоне Гюмри (58-й городок) первые общесоседские мероприятия начинались также с установления в новых дворах памятников в память жертв землетрясения (ср. с архаичной традицией освящения места путем переноса святых мощей или некоторых символов из прежних мест

⁶³ На эту параллель нам указал художник В. Пахлавун-Тадевосян.

⁶⁴ Линч К. Указ. соч. С. 163.

проживания)⁶⁵. В результате некоторые дворы приняли достаточно организованный и благоустроенный вид, организуясь вокруг центрального памятника – чаще всего декорированного источника воды. И несмотря на то, что в этом микрорайоне в первые годы заселения собрались сравнительно неимущие жители, сбор денег на установление памятника не вызвал никаких пререканий или отказа от участия.

Проект построения большого памятника жертвам землетрясения со стороны некоторых скульпторов, художников Гюмри воспринимается как нависшая над городом опасность подавления всего остального монументального ландшафта. По их мнению, мемориал жертвам землетрясения может создать не свойственный для Гюмри образ мрачного города, который будет ассоциироваться исключительно с землетрясением. Это понимают и проектировщики нового монумента, поэтому они постарались в его концепции подчеркнуть больше идею «памяти об уроках землетрясения», чем скорбь по погибшим. И достаточно интересный с точки зрения архитектурных и эстетических решений монумент хотя и таит опасность «подавления» других памятников, но это «подавление» может быть направлено также и на коммуникативную память горожан, «охлаждая» и канализируя индивидуальную травму в банк исторической памяти. Ведь «слишком много памяти там, где мало памятников». Хотя в нашем случае их количество достаточно внушительно, но они не выполняют роль общего места памяти (как, например, это произошло с мемориальным комплексом жертв геноцида в Цицернакаберде)⁶⁶. Эти памятники больше напоминают надгробные плиты, которые покинули кладбище, переместившись на «поле сражения»⁶⁷. Пока что коммуникативная память, закрепленная за конкретными местами гибели, превалирует над памятью культурной. Лучше всего эту ситуацию передала одна из учениц в своем сочинении: «Хотя в память жертв землетрясения установлено очень много памятников, но мы все еще помним эту трагедию».

Память об этом событии спонтанно стала частью школьных мероприятий. Дети по-своему ритуализируют этот день: пишут стихи и

⁶⁵ Ср. Харатян Л. «День Панда»: об одном случае возникновения нового места паломничества // Проблемы армянской этнологии и археологии II. Материалы X республиканской научной конференции молодых ученых, посвященной 50-летию Завена Харатяна. Ереван: Гитутюн, 2003. С. 71-77 (на арм. яз.). См. также ее статью «Освоение «чужого» пространства: армяне-беженцы в «азербайджанских» селах Армении» в настоящем сборнике.

Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца <www.strana-oz.ru/print.php> (02.04.07).

⁶⁶ Ср. Марутян А. Указ. соч.

⁶⁷ Ср. мемориальный памятник погибшим в авиакатастрофе югославским летчикам, спешившим на помощь в зону бедствия. Их памятник, собранный из остатков самолета, был установлен на месте падения самолета, близ Эчмиадзина, став местом поминовения жертв землетрясения для населения и официальных лиц ближайших поселений, в том числе Эчмиадзина.

готовят стенды⁶⁸. Известно, что поэтическое оформление часто служит для мнемонических целей⁶⁹. Поэтому поэтические надписи на различных памятниках встречаются достаточно часто. Самым распространенным случаем являются поэтические эпитафии, выбитые на могильных плитах⁷⁰, которые делаются не для правильной интерпретации памятника (как, скажем в «скульптурной литературшине»⁷¹), а являются скорее духовным обращением к богу или самому покойнику. Строки из «Книги скорбных песнопений» армянского средневекового поэта Григора Нарекаци нашли свое место на задней стороне памятника жертвам землетрясения скульптора З. Коштояна. Последний при проектировании памятника рассчитывал, что храм Всеспасителя будет восстановлен и его посетители будут «читать» памятник и с обратной стороны. С такой перспективы видна только голова женщины, устремленная вверх, по интерпретации автора, выражающая надежду на спасение. Об этом же говорят цитируемые стихи, в данном случае сочетающие интерпретацию памятника (литературность) с эпитафной армянской традицией, ярким примером которой являются надписи на *хачкарах*. Поэтическое кодирование травмы сочетает сплав личного переживания с неким пафосом, позволяющим одновременно и выплеснуть эмоции, и осмыслить их. Неслучайно в моем исследовании использовано много поэтических цитат, которые я отбирала из огромного количества подобной поэзии.

8. Вместо заключения

Я хочу завершить статью еще одной «памятной» цитатой, предусмотренной вместо пояснительной записки к новому памятнику жертвам землетрясения, которую написал один из авторов проекта, С. Калашян. По его признанию, он этими строками гордится больше, чем самым мемориальным комплексом, поскольку ему удалось передать то, что он почувствовал сам, будучи свидетелем этой трагедии. Архитектор по своему решил проблемы с индивидуальной травматической памятью. Удивительно, как в объекты, казалось бы, исключительно культурной памяти таким образом проникает интимность коммуникативной памяти. Для меня же нижеприведенное описание — сумма всех «памятных» характеристик, которые удалось зарегистрировать по ходу исследования. В

⁶⁸ Из интервью с директором 4-й средней школы. ПЭМ. Гюмри, 2006.

⁶⁹ Ассман Я. Указ. соч. С. 59.

⁷⁰ Об эпитафиях, выбитых на могильных плитах на гюмрийском кладбище, см. Оганесян Р., Саакян К. О художественных надписях надгробных камней // Центр арменоведческих исследований Ширака. Научные труды III. Гюмри: Гитутюн, 2000. С. 161-164.

⁷¹ Ср. Паперный В. Москва (дневник иностранца) // Он же. Мос-Анджелес. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 153-254.

этой пояснительной записке к будущему памятнику читатель найдет упоминание почти всех деталей как памяти коммуникативной, так и культурной, которые мы обсуждали выше. Поэтому я предлагаю ее вместо заключения, где читатель может найти многие ключевые понятия, которые более или менее подробно были рассмотрены в нашем исследовании:

- Дедушка, дедушка, прошу, скажи мне, почему сломал ты гору ту огромную?

- Мой невинный внук, это не гора сломанная и не дом, а глубокая рана руин. И внутри нее бушующая черная память о горестных душах невинных жертв, а также урок и заклинание нам всем, пережившим. Она и часовня, хачкар и алтарь триединства; купол небесный, ветерком навеванные колокола поминальные, сцена высокая, поющий храм спасения души и, наконец, искалеченного города крик милосердия. Бодрым был Гюмри, беззаботным и мирным, гостеприимным, жизнерадостным, гордым, талантливым, особенным, красивым, со своеобразным лицом, с унаследованными из прошлого зданием, улицей, церковью и звонарем, песней, дудуком – отнюдь не готовым к испытаниям грядущим. И однажды днем, туманным днем, когда туман тот закрыл все небо, недра вздулись, напряглись... А потом со всей мочи зашатались и зарычали. То был словно Страшный суд. А потом наступило каменное затишье – краткий миг покоя под закутанным серой пылью небом. Потом рассеялся задыхающийся вздох, а потом крик и плач, мольба о помощи – слева и справа, из каждого угла, из-под обломков разрушенного очага. Потом – спасающие руки помощи: издалека и вблизи, со всего мира... А потом домики, потом лучины свет, новая ночь и потом край пропасти мрачной. Потом только жестокий изгиб и бесконечный спуск, спуск изнуряющий. То было словно сон.

Пройдет время, пройдут года, усилиями и потом грядущих поколений вновь воспрянет из холмов Гюмри, пусть теперь уже другой, благоустроенный и блестящий. Но чтоб не забыть и вдруг не споткнуться вновь о камень тот, на хребте том изломанном построена разбитая плита, где хранятся бдящие множеством свидетельств тех безвозвратных дней воспоминания грустные. Должны мы друг другу задать вопрос хоть и смущающий: почему оказались мы столь неосторожными, неразумными в отношении недр знакомых испытаний?

Дай же мне руку, мой маленький внук, и пройдем вперед, по глубокому рубцу той раны. По краю его сойдем же вниз, и обратим взоры к Богу, к куполу поднебесному, и затем поющими голосами повернем направо, под колокола, разбуженные ветром, пред стеной памяти возложим венки, зажжем же свечи бесчисленные, и направим мольбы наши страстные за упокой тех неисчислимых усопших в недрах наших душ ...